

К. Н. ЦИМБАЕВ

ИСТОКИ ЮБИЛЕЙНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

Давняя особенность социокультурной жизни России - празднование знаменательных дат ради их особой функциональной нагрузки: с помощью массовых торжеств организаторы стремились решать актуальные политические проблемы. Важным средством воздействия на коллективное сознание традиционно являются юбилеи: через "правильную" трактовку прошлого можно влиять на будущее. Подобная историко-идеологическая мобилизация ярко проявилась в начале XX в., когда правительство искало средства для объединения общества. Былые успехи и великие победы должны были заново легитимировать существующую власть. Но истоки такой культурной политики восходят уже к началу XIX в.

Ключевые слова: *история России начала XIX в., юбилейная культура, столетие Санкт-Петербурга, исторические юбилеи, внутренняя политика России XIX в.*

Стремление улучшить прошлое, а точнее – путем его правильной трактовки решать актуально-политические задачи и, тем самым, – изменять будущее – феномен в высшей степени распространенный, особенно в случае властного дискурса. Одним из важных средств воздействия на сознание общества, пропаганды исторической легитимности верховной власти являлись век назад и остаются до сих пор исторические юбилеи: в отличие от других общественных актов они заставляют выстраивать историческую перспективу, позволяют сформировать новые представления об историческом прошлом и перспективах развития в будущем. С помощью юбилейных торжеств их устроители небезосновательно рассчитывают охватить наибольшую аудиторию.

На рубеже XIX-XX вв. политическая и общественная жизнь страны на протяжении долгого ряда лет проходила под знаком постоянных юбилейных празднований. Но впервые осознанная попытка найти с помощью массовых торжеств пути решения актуальных политических проблем была предпринята существенно раньше. Празднование знаменательных дат не ради собственно праздника, а ради их особой функциональной нагрузки – одна из давних особенностей социокультурной жизни России. В качестве характерного примера можно назвать столетие основания Санкт-Петербурга, торжественно отмечавшееся в 1803 г. Оно стало первым подобным событием в длинной череде юбилеев новой российской истории и знаменовало собой наступление XIX века не только в политике и общественной жизни, но и в праздничной культуре.

Столетие Санкт-Петербурга отмечалось 16 мая 1803 г., в день, когда Петром I была заложена крепость. Согласно официальной трактовке потомков сто лет спустя инициатором юбилея выступил сам импера-

тор Александр I¹. О предстоящем праздновании было заранее объявлено по городу – специальные афишки были особо напечатаны и разосланы по всем одиннадцати частям столицы. В качестве «предвестника» грядущего праздника рядом с памятником Петру I на линейном корабле на Неве был выставлен голландский ботик – один из кораблей, претендующих на звание «дедушки русского флота». По принятой в 1803 г. версии, ботик «Орел» был построен Алексеем Михайловичем в 1668 г. в Москве и вдохновил юного Петра на создание собственного флота. Другой объект, использовавшийся и в 1803 г. – балкон здания Сената, на котором Екатерина II присутствовала 7 августа 1782 г. при открытии памятника Петру I и который в ходе юбилея был специально оборудован для присутствия высочайшей фамилии и украшен алым бархатным покрывалом с богатой золотой бахромой.

Главным действием юбилейного торжества являлась церковная служба. Для ее проведения была назначена² церковь Святого Исаакия. Неразрывность церковной и военной составляющей праздника символизировала вовлеченность военных в религиозный церемониал. Церковь была окружена кадетами морского и инженерного корпусов, кадеты 1-го корпуса стояли вдоль набережной между центральными мостами, Невским и Исаакиевским. Три главные полка лейб-гвардии были построены в три шеренги по всему пути предстоящей основной праздничной процессии от Дворцовой до Исаакиевской площади. Главная процессия первой половины дня состояла из пятнадцати золоченых карет, влекомых сотней лошадей, в которых следовала в церковь императорская фамилия в сопровождении камергеров, статс-дам и фрейлин. Другую процессию составляли сенаторы, шествовавшие из здания Сената совместно с военным и статским генералитетом и министрами многих европейских государств.

На основной церковной службе юбилея – торжественной литургии в Исаакиевской церкви – присутствовали помимо царской семьи и высших сановников только приглашенные зрители: дворянство, духовенство и купечество. Специальный отряд бекета сухопутного Шляхетского Кадетского корпуса сдерживал в парадных церковных дверях натиск прочих недопущенных желающих. К 9 часам утра в церкви должны были собраться члены Святейшего Синода, персоны первых четырех классов, иностранных министры и именитое купечество. К 11 часам из Эрмитажа прибыли с музыкой и барабанным боем высочайшие особы и придворный штат. Служба протекала параллельно с военными церемониями: перед окончанием молебна, при возглашении многолетия были

---

¹ Половцов А.В. Празднование столетнего юбилея Санкт-Петербурга 16 мая 1803 года, см.: Сеселкина 2003.

² Срезневский 1903. С. 375.

произведены многократные выстрелы из крепостных и корабельных орудий, а также ружейные и пистолетные залпы, которые по отзыву очевидцев были слышны по всей Ингерманландии.

После окончания службы состоялся военный парад. Императорская фамилия и генералитет лицецерели его с сенатского балкона. Для прочих почетных зрителей, в том числе и дам, были построены отдельные трибуны на валу Адмиралтейства, с видом на площадь, памятник Петру I и Сенат. Этими зрителями были те же персоны и иностранные министры, что присутствовали на церковной службе, приглашенные особыми повестками занять заранее назначенные места. Простой народ также имел возможность наблюдать за праздником – окрестные улицы, площади и мосты были заполнены людьми, как горожанами среднего достатка, так и «черню»³. Принимал парад сам император. Александр, проехав мимо выстроившихся полков, остановился возле памятника своему великому предку, отсалютовал ему шпагой и оставался возле него, принимая почести от проходивших войск. В это же время вокруг памятника Петру I ездил на лошади седовласый старец, лично знавший первого российского императора.⁴ Военный парад, включавший в себя и пеший, и конный строй, продолжался 80 минут. Во главе его ехали великий князь Константин Павлович, герцог Ольденбургский и высший генералитет. За ними следовали наиболее известные лейб-гвардейские полки – Преображенский и Семеновский; далее, по неписаному ранжиру, Измайловский и Гренадерский, а затем Павловский, Литовский и Тенгинский полки. После пеших полков ехали самые почетные кавалерийские полки – Кавалергардский и Лейб-конный, и замыкали процессию лейб-гусары и лейб-казаки. Парад официально именовался не в честь города, а в «почесть покойного императора Петра Великого», именно поэтому войска проходили мимо его памятника, с музыкой, барабанным боем, преклоняя перед ним знамена и штандарты.

По завершении парада на т.н. градской башне высотой свыше 40 м был зажжен огромный факел, свет которого, вкупе с иллюминацией вокруг памятника Петру I позволил продолжать празднество и в ночное

³ Одна из немногих отличительных черт юбилея 1803 г. В дальнейшем участие простого народа в официальных юбилейных церемониях становится все более и более незначительным.

⁴ Из-за отсутствия соответствующих архивных материалов невозможно доподлинно судить об истинности возраста и личного знакомства с Петром Великим «украшенного сединами старца». Однако судя по его способности к продолжительной езде на лошади аутентичность этого ветерана представляется весьма сомнительной – что, конечно, не помешало впоследствии укорениться традиции, согласно которой организаторы торжеств стремились «найти» участников или очевидцев празднуемых событий, в том числе и столетней давности: ср., например, факт участия «ветеранов и очевидцев» Отечественной войны 1812 года «в возрасте 110-120 лет» в церемонии празднования 100-летнего юбилея Бородинской битвы в 1912 г.: Tsimbaev 2004.

время. Ботик Петра I, по возрасту превосходивший самого виновника торжества и стоявший на недавно построенном стопушечном корабле также был богато украшен и иллюминирован. На его фоне был дан и военно-морской парад: многочисленные корабли и шлюпки совершали продолжительные маневры по Неве в виду городского центра.

После окончания церемоний в Зимнем дворце Александра I ждали предстатели петербургского купечества. На серебряном с позолотой блюде они преподнесли императору и императрице выбитые по случаю торжества золотые медали с изображением Петра Великого, различными другими символическими знаками, надписью «от благодарного потомства» и с юбилейными датами Санкт-Петербурга.

Отдельной составляющей юбилейного праздника была иллюминация. Ее инициатором, так же, как и всего юбилея в целом, был сам Александр I. Император предписал иллюминировать к празднествам сады, дворцы и казенные дома, потребовав от подрядчиков, чтобы «плошки были налиты хорошим салом и горели более четырех часов». Император пожелал также, чтобы к праздничному освещению города были привлечены и сами жители, отдельно оговорив, чтобы не делалось при этом «никакого принуждения». Насколько точно было исполнено именно это пожелание прекрасно знавшего российские реалии императора, установить доподлинно уже едва ли возможно. Однако прочие его указания были выполнены безукоризненно. Иллюминация была устроена в заключение всех торжеств, начиная с вечера и далеко за полночь. Корабли на реке, Петропавловская и Адмиралтейская крепости, Летний дворец Петра I и его Путевой дворец на Петербургской стороне, памятник Фальконе были освещены разноцветными огнями; на главных водных воротах Адмиралтейства, выходящих на Неву, сверкали горящие венки, а на окружавших его валах – полумесяцы и квадраты. Во многих местах города были установлены огромные иллюминационные щиты с горящим вензелем Петра Великого. На каменных столбах решетки Летнего сада горели факелы, сама решетка и аллеи сада также были богато иллюминированы. При многих казенных и частных домах светились живописные аллегорические картины. Одновременно с этим в Летнем саду играл императорский оркестр, и сад, в который тысячами стекалась избранная публика, был центром своего рода народных гуляний высших слоев общества. Теоретически в Летний сад допускались лица всех сословий, однако народ «разного состояния» наполнял в большей мере набережную Невы, от Зимнего дворца до Литейного двора. Увеселений для низших слоев, кроме возможности поглазеть на дневные парадные процессии, предусмотрено не было.

Помимо собственно юбилейных торжеств к столетию Петербурга были совершены и различные действия, выходящие за рамки церемониала. Так, ради народных гуляний по указу Александра I к Летнему саду

был перенесен для удобства публики наплавной мост, стоявший ранее на окраине центра, напротив Воскресенского проспекта. Как в сам юбилейный день, так и в следующие два дня, во всех церквях города производился колокольный звон. По предложению матери Александра I, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, и по его высочайшему указу в ознаменование столетия Санкт-Петербурга была учреждена больница для бедных – Мариинская больница, первая общегражданская больница столицы. Будущий сенатор и действительный член Российской Академии Д.О. Баранов, которого декабристы прочили в министры Временного правительства, выпустил к юбилею отдельным изданием «Стихи на истекшее столетие от построения Санкт-Петербурга 1803 года мая 16 дня»⁵. Немало было и других событий, явлений и деяний, совершенных как частыми лицами, так и государственными или общественными институтами и приуроченных к юбилею.

Таким образом, уже в самом начале новой истории российских юбилеев явственно проступали характерные черты, общие для большинства будущих официальных государственных юбилеев.

Инициатором самого факта празднования выступала верховная власть; она же выбирала события, подлежавшие быть отпразднованными. В 1803 г. инициатива исходила, возможно, от самого императора; в таком случае это объясняется недостаточной институционализированностью интеллектуальной бюрократии. По мере ее развития она все в большей степени брала на себя роль инспиратора; в любом случае эта функция оставалась в руках политической и бюрократической элиты. Это стало характерной особенностью юбилейной культуры России на протяжении уже более чем двухвековой ее истории. В первые либеральные годы правления Александра I, когда в политике шел поиск путей кардинальных реформ, а в общественная жизнь была проникнута стремлением забыть жестко регламентированное время Павла I; в последние годы царствования Николая II, прошедшие под знаком попыток сохранить существующий общественный порядок и противостоять любым политическим реформам; в самые различные периоды советской истории, и в самые тоталитарные, и в более либеральные; в постсоветской демократической России – постоянно сохраняется предписанность и распisanность сверху праздничной культуры. Уже в 1803 г. центральное место юбилея было именно «назначено». Тот факт, что ни Петропавловская крепость, ни Смольный собор даже не рассматривались, а «места

---

⁵ Через месяц после юбилея Баранов назначается «за обер-прокурорский стол» в 3-й департамент Сената, при этом службу он начал всего за два года до этого и был экзекутором 1-го департамента. В дальнейшем быстрое продвижение по служебной лестнице для организаторов и активных участников крупных государственных юбилеев становится нормой.

памяти» директивно назначались, наглядно характеризует начало российской юбилейной традиции, которая продолжается по сей день. На протяжении уже более чем двух столетий общественность, «общество», не говоря уж о «простом народе», не участвует ни в подготовке юбилея, ни в его проведении (подчас даже и в роли зрителя), ни в обсуждении способов отмечания юбилея и даже самого его факта. В отличие от юбилеев во многих других странах в различные эпохи, в т.ч. те, что отмечались в масштабах всей страны – как, например, столетие «Битвы народов» в Германии в 1913 г., задуманное, инициированное и проведенное широкими кругами буржуазной общественности, в России всегда важные исторические «круглые» даты назначались (и назначаются), способы и места проведения утверждались, речи визировались, зрители набирались по составленным спискам и приглашались повестками и т.д.

Подготовка и проведение юбилея возлагалась властью на государственные инстанции. Неправительственные, общественные организации, научные, художественные, профессиональные, как и «общество» в целом к организации не допускались и привлекались лишь в качестве исполнителей расписанных государством распоряжений, а также в качестве зрителей – в строго установленных сверху пределах.

В 1803 г. эта тенденция проявилась в зачаточном состоянии, в дальнейшем она становилась все отчетливее, к концу XIX в. достигла своего логического завершения и превратилась в начале века XXI в почти гротескную пародию на самоё себя, когда власть устраивает юбилей исключительно для себя и внутри себя, не позволяя обществу и «народу» стать хотя бы зрителями и свидетелями происходящего и допуская лишь рассказ в средствах массовой информации о праздниках в честь «самых значимых событий» российской истории⁶. Непосредственные участники юбилейных торжеств и те зрители, что были действительно приближены к событию, заранее отбирались организаторами, списки утверждались, роли директивно расписывались. Ни о каком добровольном участии в празднике не было и речи. С другой стороны, отнюдь не все желающие могли получить доступ к юбилейным церемониям. Чем дальше развивалась традиция юбилеемания, тем резче становился контраст, совершенно не воспринимавшийся организаторами,

---

⁶ В качестве одного из множества примеров можно привести 100-летний юбилей российского парламентаризма, который отмечался 3 марта 2006 г. Участникам научно-практической конференции в честь юбилея было послано президентское приветствие, в котором говорилось, что это мероприятие «посвящено одному из значимых событий в российской истории». При этом конференция и сопутствующие торжества проходила в Центризбиркоме при участии высших политических, парламентских и юридических чиновников и при полном отсутствии возможности доступа на мероприятие даже самой узкой общественности. Ср.: Хамраев 2006.

между обязательностью присутствия и участия для «избранных» и невозможностью этого для всех остальных⁷.

Основными и обычно практически единственными видами праздничных мероприятий являлись церковные и военные церемонии: различные религиозные службы, церковные процессии и военные парады. Сплошь и рядом они шли фактически рука об руку, перетекали друг в друга, и в любом случае были согласованы по времени, составу участников и церемониалу.

Юбилейный церемониал активно эксплуатирует самые различные «места памяти», причем как реальные, так и сомнительной достоверности или даже выдуманные. Предметы, картины, здания и любого рода сооружения, оружие, корабли – подлинные или мнимые участники событий (много)вековой давности становятся неперменными участниками событий юбилейного празднования. Особое предпочтение отдается иконам и воинским знаменам. В обязательном порядке в церемониал включаются церкви и часовни, причем и старые, и новые, построенные специально к юбилею, а также памятники участникам и героям празднуемого события. Кроме того, организаторы стремятся включить в число участников юбилеев участников юбилейных событий, даже если речь идет о юбилее полувековом или вековом.

---

⁷ См. документы Церемониальной части Министерства императорского двора, касающиеся юбилейных торжеств – о праздновании 200-летия Полтавской битвы в Полтаве и в Петербурге, 100-летия Бородина в Москве, 300-летия династии Романовых в Костроме, Владимире, Суздале, в Троице-Сергиевой лавре, в Ростове Великом и т.д. Именно Церемониальная часть (при содействии Канцелярии Министерства двора и Гофмаршальской части) была той инстанцией, чиновниками которой прорабатывались окончательные варианты и детали церемоний, ее фонды включают в себя подробные программы пребывания императора и его семьи в различных городах во время высочайших путешествий и разработки маршрутов путешествий – схемы выездов и проездов императорской процессии, списки лиц, приветствовавших царскую семью и приносивших поздравления – по сословиям, профессиям, вероисповеданиям – с обязательным представительством всех основных религиозных течений – православных, иных христианских и нехристианских; распоряжения по дворцовым балам, парадным обедам, завтракам и спектаклям, приглашения и повестки на торжества, списки участвовавших полков, форма одежды военным, гражданским и придворным чинам, положения о вручавшихся юбилейных медалях, решения о приглашении отдельных, особо важных, лиц или групп (например, кавалеров ордена Св. Александра Невского) на торжества и, не в последнюю очередь, подробно расписанные церемониалы празднования всех важнейших юбилеев по дням и даже часам и минутам. Это позволяет не только досконально представить ход каждой церемонии, но и механизмы ритуализации истории – в частности, главенство светских распорядительных властей (дворцово-министерской бюрократии) над церковными и военными: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 472. Канцелярия Министерства императорского двора; ф. 473. Церемониальная часть; ф. 476. Гофмаршальская часть. См. подробнее: Цимбаев 2005а.

В центре церемониала находится глава государства. Вокруг его фигуры строится основная церковная служба юбилея. Он принимает главный военный парад. Случается, что он встречается с «народом»; он принимает представителей народа – по сословному, профессиональному, религиозному принципу отбора – и получает от них подарки.

Важное место отводится репрезентации вовне. Иностранные представители – желанные, но и обязательные гости и участники торжеств.

Коммерческие круги вынуждены участвовать в празднике, но при этом получают довольно широко использовать его в собственных целях⁸. Способы, которыми власть привлекает коммерсантов – подрядчиков или частные фирмы – варьируются в диапазоне между финансовыми и политико-административными; чаще всего они сочетаются. В случае 100-летнего юбилея Санкт-Петербурга доминируют финансовые, позднее административные методы вовлечения коммерсантов в орбиту официальных юбилеев превалируют над экономическими, что, разумеется, не отменяет получение, в свою очередь, бизнесом прямой и косвенной выгоды от участия в торжествах. Подобную же возможность получают и организаторы юбилея. Судить о том, насколько она использовалась в 1803 г., сложно из-за сравнительно небольшого размаха юбилейных торжеств, а также нехватки соответствующих архивных материалов. В дальнейшем ситуация кардинально меняется⁹.

---

⁸ Как пример – празднование 100-летия Бородинской битвы: многочисленные юбилейные парфюмерные и винные наборы, шампанское, юбилейный «Русский коняк», шоколадные наборы, детские настольные игры, посвященные разгрому Наполеона в России и т.д. наглядно передают глубину проникновения коммерциализации юбилея и стремление как организаторов, так и коммерческих деятелей охватить даже не участвующие в общественной и государственной жизни группы населения; также и рекламные плакаты, открытки и публикации периода того или иного юбилея в огромной степени использовали соответствующую тематику и символику, поддерживая и развивая процесс популяризации, и одновременно коммерциализации юбилейной идеи в массах. См., напр.: Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 137. Фонд Военно-исторического музея; ф. 160. Особый комитет по устройству в Москве Музея 1812 г. и коллекция документов музея. См. также: Цимбаев 2005с.

⁹ Так, делопроизводители Комитета для устройства празднования 300-летия царствования дома Романовых получали, помимо обычного содержания по службе в министерстве внутренних дел, к которому они, в основном, были приписаны, до 1–1,5 тысяч руб. в год (при среднем заработке рабочего около 250 руб. в год, а народных учителей порой 50–60 руб. в год); обеспеченные высокопоставленные действительные члены Комитета отсутствие жалованья за участие в его работе могли компенсировать, например, частыми командировками (предварительные организационные и инспекционные поездки, участие в самих торжествах, сопровождение императора и т.д.). Деньги на билеты выделяются очень щедро, на ночлег, прогонные, суточные – доходят до ста рублей в день. Кроме того, особый фонд в 10 миллионов рублей, выделяемый каждый год в государственном бюджете на экстренные расхо-

Несколько в стороне от основных торжеств организуются увеселения для простого народа, в форме отдельных развлекательных мероприятий или же просто народных гуляний. Их масштаб может колебаться от практически полного отсутствия до мероприятий достаточно широкого размаха; последнее характерно для более позднего периода. В любом случае устройство праздника для народа является для властей задачей второго плана, которой придается наименьшее значение¹⁰.

На протяжении XIX в. юбилеи в Российской империи отмечались неоднократно. Стратегия государственной власти, организовывавшей большинство значимых юбилеев, заключалась в тщательном отборе, а при необходимости – в замалчивании или мемориальном «производстве» фрагментов общественной памяти. Юбилейные торжества становились инструментом внедрения в общественное сознание нужных на данный момент идей и идеологий, а история – моделью трактовки будущего. Практика показала – особенно наглядно в начале XX в. – что подобный односторонний коммуникативный процесс оказывается недееспособным. Тем самым помпезные массовые государственные юбилеи, вместо того, чтобы служить созданию или консолидации общенациональной культуры памяти и коллективного сознания, лишь провоцировали общественный антагонизм.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Архангельский А.* Третья реальность. О способах создания российскими СМИ искусственной реальности // Искусство кино, 2016, № 1. [Arhangel'skij A. Tret'ja real'nost'. O sposobah sozdanija Rossijskimi SMI iskusvennoj real'nosti // Iskustvo kino, 2016, № 1.] URL: <http://kinoart.ru/archive/2016/01/tretya-realnos>
- Журавлева А.И., Некрасов В.Н.* «Постмодерн» и третья реальность // XX век и русская литература. Alba Regina Philologiae. Сб. научн. статей к 70-летию Г.А. Белой / Ред. Троицкий Ю.Л. и др. [Zhuravleva A.I., Nekrasov V.N. «Postmodern» i tret'ja real'nost' // XX vek i russkaja literatura. Alba Regina Philologiae. Sb. nauchn. statej k 70-letiju G.A. Beloj / Red. Troickij Ju.L. i dr. S. 282-293.] М., 2002. С. 282-293.
- Сеселкина Л.* И сто, и двести лет назад... О чем рассказывают архивные документы // Муниципальный Вестник (Санкт-Петербург), № 12, май 2003 [Seselkina L. I sto, i dvesti let nazad... O chem rasskazyvajut arhivnye dokumenty // Municipal'nyj Vestnik (Sankt-Peterburg), № 12, maj 2003]. URL: <http://www.pushkin-town.net/vestnik/62.html>
- Срезневский В.* Празднование столетия Петербурга // Русская Старина, май 1903 [Sreznevskij V. Prazdnovanie stoletija Peterburga // Russkaja Starina, maj 1903, S. 375], С. 375.

ды, не предусмотренные сметами, постоянно находится фактически в неограниченном распоряжении Комитета. Ни один его запрос не остается без удовлетворения; ни одна сумма не подлежит сокращению. На заседаниях Комитета расходы обсуждаются с точностью до копейки; для министерства финансов большинство смет округляются до десятков тысяч. (РГИА. Ф. 1320. Комитет для устройства празднования 300-летия царствования дома Романовых.) См. подробнее: Цимбаев 2005б.

¹⁰ В 1913 г. Комитет для устройства празднования 300-летия, до этого обсуждая в течение нескольких лет вопрос об устройстве широких народных гуляний, приходит к выводу, что необходимая сумма – свыше 340 тысяч рублей – весьма значительна; гуляния было решено отменить. См. также: Цимбаев 2012.

- Хамраев В.* Александр Вешняков отметил столетний юбилей // Коммерсант, № 38, 4.03.2006 [Hamraev V. Aleksandr Veshnjakov otmetil stoletnij jubilej // Kommersant, № 38, 4.03.2006]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/654918>
- Цимбаев К.Н.* Православная церковь и государственные юбилеи императорской России // Отечественная история. 2005. № 6. С. 42-51 [Cimbaev K.N. Pravoslavnaia cerkov' i gosudarstvennye jubilei imperatorskoj Rossii // Otechestvennaja istorija. 2005. № 6. S. 42-51.]. (2005a)
- Цимбаев К.Н.* Реконструкция прошлого и конструирование будущего в России XIX века: опыт использования исторических юбилеев в политических целях // Дмитриев А.Н. (Ред.) Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012, С. 475-498. [Cimbaev K.N. Rekonstrukcija proshlogo i konstruirovanie budushhego v Rossii XIX veka: opyt ispol'zovanija istoricheskikh jubileev v politicheskikh celjah // Dmitriev A.N. (Red.) Istoricheskaja kul'tura imperatorskoj Rossii: formirovanie predstavlenij o proshlom. M., 2012, S. 475-498.]
- Цимбаев К.Н.* Трехсотлетие Дома Романовых: юбилей 1913 года как художественное действо. Пролог // Историк и художник. 2005. № 1 (3). С. 181-195 [Cimbaev K.N. Trehsotletie Doma Romanovyh: jubilej 1913 goda kak hudozhestvennoe dejstvo. Prolog // Istorik i hudozhnik. 2005. № 1 (3). S. 181-195]. (2005b)
- Цимбаев К.Н.* Феномен юбилеямани в российской общественной жизни конца XIX — начала XX вв. // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98-108 [Cimbaev K.N. Fenomen jubileemanii v rossijskoj obshhestvennoj zhizni konca XIX — nachala XX vv. // Voprosy istorii. 2005. № 11. S. 98-108.]. (2005c)
- Tsimbaev K.* «Jubiläumsfieber»: Kriegserfahrung in den Erinnerungsfeiern in Russland vom Ende des 19. bis Anfang des 20. Jahrhunderts // Melville G., Rehberg K.-S. (Hgg.), Gründungsmythen. Genealogien. Memorialzeichen. Beiträge zur institutionellen Konstruktion von Kontinuität, Köln-Weimar-Wien, 2004. S. 75-107.

Цимбаев Константин Николаевич, кандидат исторических наук, доцент МУНЦ Высшая школа европейских культур факультета культурологии Российского государственного гуманитарного университета; tsimbaev@gmail.com

The Origins of Jubilee Culture in the Russian Empire

A long-standing peculiarity of the Russian sociocultural life is to celebrate important dates in order to obtain a certain result: large-scale festivities were used as a way of solving current political problems. Jubilees have traditionally been considered as an effective technique to affect the collective consciousness: the future can be influenced through the “correct” representation of the past. A political ideological mobilization of that kind can be observed in the early 20th c., when the government was searching for means to unite the society. Former achievements and great victories had to legitimize the current-day regime. But the origin of that cultural politics dates back as early as the beginning of the 19th c.

Keywords: Russian jubilee culture, Russian history in the early 19th century, centenary of St. Petersburg, historical jubilees, Russian domestic policy of the 19th century

Konstantin Tsimbaev, Ph D. in History, Associate Professor, Higher School for European Cultures, Russian State University for the Humanities; tsimbaev@gmail.com